

почерпает свое развитие только из узкой сферы своей личной деятельности, не проверяемой наукой, и не в состоянии дать себе отчет, почему он действует так, а не иначе? Такие учителя могут только или упрямо противиться всякому лучу света, неприятно поражающего неожиданностью или новизной их привычный взгляд, или смело принимать на веру то, что им навязет «практик», никогда не заглядывавший в науку, или теоретик, надвинувший потуже колпак на уши для того, чтобы не слышать голоса жизни» (4, с. 349). В одном из писем он так развивает свою мысль: «Я хочу сказать, что только тот из нас, педагогов, способен к совершенствованию и вполне основательному обучению, кто не довольствуется изучением методики, а смотрит глубже. Методика - результат, это ручей чистой воды; добраться же нужно до самого ключа, который - в физиологии и психологии, в антропологии и педагогике, в истории нашей жизни» (5, с. 97).

В профессиональном образовании Корф предлагал ввести изучение теории и практики параллельно на всех трех курсах учительских семинарий. На первом курсе он предлагал изучать физиологию и катехитику (методику ведения беседы), на втором курсе - психологию, логику и методику. Последняя, образуя самостоятельное целое, по замыслу Корфа, должна концентрически повторить изученное по катехитике на первом курсе. На третьем курсе должны изучаться общая методика и дидактика, история педагогики и школоведение.

Практическую же подготовку учителя Корф предлагал строить таким образом. На первом курсе семинаристы овладевают приемами ведения беседы. На втором - они присутствуют на уроках «образцового учителя», преподавателей семинарии и своих старших товарищей, затем воспроизводят те уроки, которые были даны в их присутствии: готовят конспекты новых уроков и после их просмотра методистом дают уроки перед немногочисленной группой детей. На третьем курсе семинаристы ведут уроки в школе, но и здесь методисты должны давать указания по содержанию и методике урока.

Возрождение идеи земского самоуправления, начавшееся на Белгородчине, неизбежно возвращает современного учителя и деятеля народного образования к тем временам, когда возникла земская школа, когда складывались ее особенности как школы народной. Изучение истории земской школы, деятельности и взглядов, кто стоял у ее истоков, и прежде всего деятельности и взглядов Н.А. Корфа, а также тех, кто внес свой вклад в совершенствование ее деятельности, позволит глубже понять особенности этого типа школы, перспективы ее развития в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письма К.Д. Ушинского к Н.А. Корфу//К.Д.Ушинский. Собр. соч. -М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948-1950.- Т.11.
2. Корф Н.А. Русская начальная школа. -СПб., 1870.
3. Корф Н.А. Наши педагогические вопросы. -СПб., 1882, т.1.
4. Корф Н.А. Наше школьное дело, -СПб., 1873.
5. Острогорский В., Семенов Д. Русские педагогические деятели. -М, 1887.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРЭНСИС ЭЛИЗЫ БЕРНЕТТ

В.К. Харченко

У предлагаемой статьи есть несколько запасных, опорных вариантов заглавия: «Педагогика от Фаунтлероя», «Возвращенная педагогика», «Художественная педагоги-

ка», «Педагогика редких качеств», «Элитарная педагогика», но при этом во всех вариантах присутствует в качестве ключевого понятие «педагогика», хотя Фрэнсис Бернетт не педагог, а детская писательница, правда, с мировым именем. «Она дружит с Марком Твенном, Оливером Венделлом Холмсом; в ее доме бывает Оскар Уайльд, совершающий свое сенсационное турне по Соединенным Штатам; среди поклонников ее творчества - Харриет Бичер-Стоу, американский поэт Джеймс Рассел Лоуэлл, английский премьер-министр Гладстон, американский президент Гарфилд,» - отмечает в предисловии к книге Бернетт Н.М. Демурова. В 1936 году на одном из домов в Вашингтоне появилась мемориальная доска: «Здесь пятьдесят лет назад была написана бессмертная классическая книга «Маленький лорд Фаунтлерой». В Центральном парке в Нью-Йорке стоит памятник героям книг Бернетт.

«Педагогические идеи Фрэнсис Элизы Бернетт» - тема новая для нашей отечественной педагогики, потому что в течение 80 лет в России книги этой писательницы были запрещены, а значит изъяты из библиотек, уничтожены, хотя кое-кто знал, что любимой в детстве книгой В.И. Ленина была повесть «Маленький лорд Фаунтлерой».

Имеем ли мы право выстраивать педагогическую концепцию человека, которой де-юре педагогом не был? Думается, такое право у нас есть по трем причинам: во-первых, потому, что художественный текст вообще, а особенно адресованный детям, в той или иной степени содержит в себе имплицитные педагогические смыслы; во-вторых, потому, что педагогические идеи Бернетт еще до написания ею лучших книг «прошли апробацию» в семье писательницы; в-третьих, потому, что на произведениях Бернетт воспитывались целые поколения юных читателей буквально во всем мире. Раскроем каждую из указанных причин более подробно.

С точки зрения конечного результата творческих усилий писатель и педагог - профессии соприкасающиеся, одноцелевые. «Читая Пушкина, можно превосходным образом воспитать в себе человека» (В.Г. Белинский). В.В. Розанов посвятил целую статью раскрытию этой мысли. «Ум Пушкина предохраняет от всего глупого, его благородство предохраняет от всего пошлого, разносторонность его души и занимавших его интересов предохраняет от того, что можно было бы назвать раннею специализацией души... Он не специален ни в чем, и отсюда-то его вечность и общевоспитательность» («Возврат к Пушкину»). Писатель - уже педагог. В этом отношении очень сложно оценивать творчество Л.Н. Толстого. Педагогические идеи, вытекающие из анализа его повестей, романов, едва ли не глубже и плодотворнее тех педагогических идей, которые Толстой высказывал напрямую, проходя школу собственной педагогической деятельности.

Далеко не случайно, что некоторые корифеи педагогики (К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский) были одновременно и талантливыми писателями.

Художественный текст поливалентен для научного поиска. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» используют как учебное пособие юристы. Б.М. Теплов публикует свои «Заметки психолога при чтении художественной литературы». В 1996 г. в Мюнхене вышла книга Валерия Беянина «Введение в психиатрическое литературоведение».

Поляризация художественного поиска и поиска исследовательского, в частности педагогического, приносит большой урон, нежели привлечение художественных текстов как необходимых и незаменимых инструментов интерпретации той или иной педагогической проблемы. Если бы речь шла о простом привлечении книг Бернетт к раскрытию педагогической макроидеи или микроидеи, мы не стали бы столь подробно защищать свое право на данную статью, но речь далее пойдет о другом: об извлечении педагогической мысли только из художественного текста (будут взяты для анализа две повести писательницы). Такое извлечение требует выработки соответствующего методологического аппарата, разработки технологии «считывания» педагогических идей с пространства художественного текста.

Технология эта не столь проста. Крупных методологических ошибок может быть допущено две: во-первых, отождествление концепции текста и концепции автора; во-вторых, вчитывание, привнесение в художественный текст концепции самого исследователя. Не нами замечено, что автор афоризма «Красота спасет мир» (Ф.М. Достоевский) в своих романах не показал ни одной картины красивого жизнеустройства. Приведем еще одно любопытное наблюдение: идея толстовства в романах Толстого далеко не столь очевидна, как, например, в романе Достоевского «Идиот», герой которого, князь Мышкин, выдерживает и насмешки, и даже пощечину (прямо по афоризму «Ударили по одной щеке - подставь другую»). Логика художественного текста не всегда совпадает с логикой прямых авторских высказываний. Сопротивление материала самому автору дает повод исследователю иначе интерпретировать этот материал, не вчитывая, однако, и себя, не выдавая желаемое за действительное. Когда же текст пишется специально для детей, когда писатель является детским писателем, тогда острота указанных противоречий сглаживается, и успех детской книги часто означает торжество педагогической идеи, художественно преподнесенной детям (такова, например, судьба книги А.П. Гайдара «Тимур и его команда»). Вправе ли профессиональный педагог-исследователь не интересоваться такой педагогикой?

Вторая причина, дающая право на заявленную тему, касается личной судьбы писательницы. Педагогическую концепцию Ф. Бернетт можно выстраивать потому, что «экспериментальной площадкой» этой концепции была семья писательницы. Известное изречение К.Н. Батюшкова «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь» идеально подходит к этой женщине. Образ маленького лорда Фаунтлероя был продиктован личностью второго сына писательницы. Эффект воспитания Вивьена был таким, что матери захотелось написать книгу о похожем ребенке. Так возник бестселлер, покоривший сердца читателей и принесший читательнице мировую известность. Сама Бернетт вспоминала об истории создания книги: «Вивьен был таким патриотом, таким пылким юным американцем; он был так увлечен предстоящими президентскими выборами; его соображения были так интересны! Я начала помимо всего прочего думать о том, как он, весь раскрасневшись и с самым увлеченным видом стал бы делиться своими соображениями с консервативными англичанами... Поначалу это была всего лишь мимолетная фантазия, но в один прекрасный день я подумала: «Я напишу о нем книгу. Пусть он попадет в совершенно новое для себя окружение - посмотрим, как он поведет себя. ... Да, решено, и Вивьен станет этим героем - Вивьен с его вьющимися волосами и его глазами, с дружелюбным и добрым сердцем. Маленький лорд Такой-то... Какое хорошее название! Маленький лорд... Маленький лорд... Как же его назвать? Через день он стал маленьким лордом Фаунтлероем. Такую повесть легко писать. Частично она разворачивалась перед моими глазами».

Вивьен умер в 1937 году во время кораблекрушения, спасая тонущих людей. Он спас двух мужчин и двух женщин, прежде чем погиб сам. Это была смерть, достойная Фаунтлероя, - писали газеты.

Третья причина, дающая право выстраивать педагогическую концепцию Ф. Бернетт, заключается в том, что по книгам этой писательницы воспитывались целые поколения читателей. «И всем она нравилась, - писала о книге Анна Масс, - потому что она очень интересная». Интересного чтения предостаточно, и слово «интересно» скорее закрывает, чем раскрывает уникальную значимость книги Бернетт, а тем более ее педагогических установок. В лучших повестях этой американской писательницы таятся такие образцы, такие художественно оформленные рекомендации поведения, которые действуют как настоящая педагогическая школа на людей различных темпераментов и национальностей. Автор статьи прочитал книгу «Маленький лорд Фаунтлерой» в десятилетнем возрасте, потом перечитывал через год, а еще через год, собираясь в Калинин на летние каникулы, решил переписать эту книгу, снова попросив ее у дальней родственницы, но кни-

га была уже потеряна. Прошло 30 лет. В нашу страну стала возвращаться литература, некогда отвергнутая. Теперь можно читать «Маленького лорда» в разных изданиях и разных переводах (1) с неизменными, однако, иллюстрациями Реджинальда Берча; стали переиздаваться и другие произведения Бернетт, и вот тут обнаружилось, что воспитывающее воздействие лучшие книги писательницы оказывают не только на детей, почему и возникла идея рассмотреть педагогический механизм книг Бернетт, определить контуры ее педагогической концепции, которая не менее значима, чем тоже возвращающаяся к нам педагогика Марии Монтессори.

Итак, с точки зрения содержания художественный текст ирреален, он по существу вымысел, но если текст прочитан (а книги Бернетт выходили огромными тиражами), то значит состоялось внедрение его (вымысла!) в реальность и, может быть, коррекция реальности, - надо полагать, не в худшую сторону. Состоявшееся внедрение побуждает изучать то ценное, что заложено в художественных книгах, особенно в книгах для детей.

Обратимся к самым известным повестям Бернетт «Маленькому лорду Фаунтлерою» и «Маленькой принцессе».

Какие качества личности воспитывает писательница этими книгами? Почему педагогические идеи Ф. Бернетт целесообразно называть педагогикой редких качеств, элитарной педагогикой?

Можно насчитать по меньшей мере пять таких качеств: стойкость, терпение; правдивость, в том числе правдивость чувств; уважение абсолютно к каждому человеку, умение сопереживать; умение быть благодарным; приветливость. Перечисленные качества личности объединяются общим понятием благородства, достоинства. Теперь подчеркнем, что все это адресовано ребенку, что восьми-, десятилетнему внушается, что он может быть таким же, как Цедрик Эрроль или Сара Кру. Высота поведения доступна в любом возрасте, сколько бы лет тебе ни было, - говорит писательница своими книгами, более того, она изображает все эти свойства души такими притягательными, что вызывает эффект идентификации и подражания.

Мастерство писательницы-педагога заключается в том, что читателю поначалу бросаются в глаза как бы менее ценные качества: приветливость, умение быть благодарным, но тут же обнаруживается, что приветливость можно сочетать со стойкостью, а вежливость с правдивостью чувств.

Структура педагогической концепции Бернетт достаточно сложна, и чтобы в ней разобраться, приведем несколько текстовых иллюстраций детской стойкости, правдивости, уважительности... (2)

- Это мне так не нравится, - признался он во время одного из своих серьезных разговоров с адвокатом. - Вы не представляете, как мне это не нравится. Но на свете много очень печального, и всякий должен это переносить... Так говорит Мэри. И мистер Гоббс, я слышал, тоже говорил это... Дорогая ведь желает, чтобы я жил с моим дедушкой, потому что, вы знаете, все его дети умерли, а это очень грустно. Очень жаль человека, у которого все дети умерли... (МЛФ, с. 59).

- Я очень рад, что графы храбры. Прежде я немного трусил... знаете, в темноте... Но тогда я старался думать о солдатах во время революции и о Георге Вашингтоне - и это меня исправило (МЛФ, с. 34).

- Мне здесь не нравится, папа. - сказала она. - Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли ее веселого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать ее (МП, с. 10).

Оказавшись в бедной каморке под чердаком, девочка представляет себе героев Бастилии, приручает крысу, находит утешение в вымышленном мире, сохраняя в мире реальном выдержку и благородство настоящей принцессы.

Бернетт часто использует в своих повестях прием замедления повествования, особенно если речь идет об указанных выше качествах. Писательница подробно поясняет, сравнивая два варианта поведения, как поступили бы другие и как поступает главный герой книги. «У тебя есть выбор, как поступить», - намекает писательница, а ее педагогика

высочайших требований не позволяет снижать планку поведения даже в мелочах.

Владелица частной школы Мильчин выставила себя в довольно глупом виде, когда знающей французский язык девочке велела осваивать букварь. И Сара не улыбнулась тогда, потому что улыбка была бы грубостью, улыбка могла бы обидеть Мильчин.

Микроскопическая педагогика... Не то что надерзить, а даже улыбнуться иногда непозволительно, чтобы не ранить другого человека.

Двувариантность поведения постоянно присутствует в структуре педагогической концепции Бернетт, и один из таких вариантов (причем не лучший) оказывается хорошо знакомым юному читателю (нагрубить, расплакаться, покапризничать, похвастаться). Награда в виде счастливого стечения обстоятельств, симпатии и любви окружающих вручается тому, кто всегда предпочитает более трудный, но прекрасный вариант поведения.

Бернетт-педагог вручает детям своего рода набор инструментов для выработки ценных качеств личности, ее педагогика не декларативная, а инструментированная, и важнейшим инструментом самоподдержки и самокоррекции становится воображение.

Потерю родных, разлуку с матерью, нищету, тяжелый труд, голод - любые серьезные испытания можно вынести, если сумеешь развить в себе воображение, если ориентироваться на великих людей, если брать с них пример. Воображение работает только на высоких параметрах, оно элитарно окрашено. Брать пример легче с человека, который превосходит тебя по положению в обществе, причем намного превосходит. Королева, принцесса, президент, граф, лорд, национальный герой - все это не только образы реально живших или живущих людей, но и поведенческие эталоны.

Педагогика Бернетт - модельная педагогика. Модель не слепок, не фотография и уж конечно не реальность. Модель - это совокупность лучших свойств личности в образе того или иного человека. «У каждого свои недостатки» - такая сентенция не для модели. Да, такой королевы, какая представляется ребенку, не было, но это неважно, важно, чтобы у ребенка был животрепещущий образец, образ, вдохновляющий на лучшие поступки, лучшие варианты поведения даже в самых бытовых, «микроскопических ситуациях».

Настоящая принцесса не может быть грубой, не может солгать, она должна уметь выдерживать любые испытания, она одинаково хорошо должна вести себя с разными людьми - никаких таких прямых сентенций в исследуемых книгах нет, но именно такой смысл прочитывается - столь прозрачно он выражен.

Откуда берется сила воображения? Чтобы представить себя героем нации, надо хоть что-нибудь знать об этих героях. И Бернетт опять-таки раскрывает секрет богатого воображения: надо много читать. Цедрик Эрроль с раннего детства читал толстые, взрослые книги, увлекался газетами; Сара Кру постоянно читала, причем владела тремя языками. Об этом сказано вскользь, но, видимо, благодаря обильному, не по годам насыщенному чтению оба героя овладели культурой эмпатии, умением вчувствоваться в переживания другого человека. Кстати, сама Бернетт в детстве очень много читала, и «сухость текста ее не останавливала».

Воображение не единственный инструмент воспитания стойкости, правдивости, уважительности, приветливости. На примере своих героев Бернетт учит ребенка-читателя самому искать и находить все то, что помогает быть стойким, помогает выдерживать испытания. Такой помощницей для Сары Кру стала кукла.

«У Сары было очень сильное воображение, и ей постоянно приходили в голову разные странные мысли и фантазии. Так, например, она думала, что для нее будет большим утешением, если она представит себе, что Эмили живая и на самом деле слышит и понимает ее» (МП, с. 18).

Бернетт неоднократно описывает, как Сара разговаривала с куклой, как игра переходила в реальность, а реальность в игру. Утешением может стать собака, кошка - любое живое существо.

При всей своей неумемной фантазии изображаемые Бернетт дети не лгут. Цедрик сразу признается бакалейщику Гоббсу, ненавидящему аристократов, что будет графом. И

деду своему мальчик не лукавил, когда тот спросил, какого мнения Гоббс о графах.

- Видите ли, дело в том, что он не знал ни одного графа, а лишь читал о них. Он думал, - только не обращайтесь на это внимания, - что они все тираны, и говорил, что не хотел бы встретить графов близ своей лавки. Но если бы он знал вас, я уверен, что он думал бы совсем иначе. Я напишу ему о вас (МЛФ, с. 128).

Правдивость без деликатности ущербна, и дети умеют, говоря все как есть, не задевать самолюбия собеседника.

Редкое, высшее и трудно достижимое качество истинно воспитанного человека - единство речи и чувства. Вавиана Герберт, красивая молодая леди, угадала это достоинство Цедрика при первом же знакомстве: «Лорд Фаунтлерой может говорить, что он думает, - сказала она, - и я ему очень благодарна. Я уверена, что он думает именно то, что говорит» (МЛФ, с. 188).

Уважительность ко всем людям, приветливость, умение быть благодарным - все эти качества, казалось бы, воспитываются у всех с детства: «Скажи тете спасибо», «А ты поблагодарил?», «Что надо сказать?». С.Л. Соловейчик заметил в своей книге «Педагогика для всех», что упор мы делаем на словах, а не на развитии чувства благодарности, что далеко не одно и то же (3). Подобным несоответствием заинтересовались ученые: «У девочки возрастом год и восемь месяцев было впервые замечено (хотя могло употребляться и ранее) слово «пожалуйста». В нем не было ни малейшего оттенка вежливости, тактичной просьбы, самые свирепые приказания могли им сопровождаться. Оно несло лишь функцию умножения действительности приказа», - пишет В.В. Бибихин в статье «Общение без индивида» (4).

У Цедрика Эрроля и Сары Кру приветливость слова всегда соответствует приветливости чувства. Дети, во-первых, долго помнят даже маленькое добро, им сделанное. Подаренное торговкой яблоко, когда мальчик упал и расшиб коленку; деревянный меч, сделанный соседом; мячик, из-под колес подхваченный чистильщиком сапог, им же подаренный платок - подобные мелочи упоминаются иногда не один раз, а уж платок фигурирует раз пять - и все для того, чтобы убедить юного читателя, как приятно испытывать чувство благодарности. Кстати, тот самый Дик, подаривший платок, в сюжете повести сыграл роль человека, спасающего ситуацию. Дети, во-вторых, одинаково любезны и приветливы с людьми самого разного социального положения.

«Ей приходилось ходить за детьми, которые были далеко не так вежливы. А в манере Сары говорить: «Пожалуйста, Мариетта», «Благодарю вас, Мариетта» - было какое-то особое очарование. - Она благодарит меня, как будто я леди, - говорила француженка главной горничной... И Мариетта была в восторге от своего места и своей маленькой госпожи» (МП, с. 18-19).

Писательница исследует хорошее в поведении человека, то есть выполняет ту самую программу изучения «ткани хорошего», которую много лет спустя наметила тоже американка социолог, этнограф Маргарет Мид (1901-1978). В XX веке интенсивно исследовались интеллектуальные возможности ребенка и было доказано, что возможности эти очень объемны. У Бернетт речь идет о другом - об объемности этических, поведенческих возможностей детей.

Цедрик узнает о смерти отца. «И любящее сердечко подсказало мальчику поведение, достойное взрослого человека».

Миссис Эрроль говорит сыну: «О, Цедди, дорогой, я бы хотела быть для тебя очень умной и научить тебя многому! Но, милый, будь только добр, будь только смел, будь всегда кроток и правдив - тогда ты никому в жизни никогда не причинишь горя. Напротив, многим поможешь, и огромный мир Божий станет немого лучше оттого, что явился на свет мой мальчик» (МЛФ, с. 139).

Фрэнсис Бернетт не играет с читателем в поддавки (вспоминаются в связи с этим «советы наоборот» Г.Остера), ее художественная педагогика - это концентрация требований к ребенку в полном их объеме: будь любознательным, но не будь навязчивым; умей отвечать, но умей и молчать, когда к тебе непосредственно не обращаются; побеждай, но не задавайся да еще успокой побежденного («я оттого, верно, победил, что у меня ноги чуть длиннее твоих. Ведь я на три дня тебя старше, а это преимущество» (5)), однако со-

блюдение таких требований приносит удивительные плоды, и дети-читатели радуются за своих героев, незаметно усваивая кодекс такого поведения, о котором впоследствии писал Шибугани: «И напротив, существуют критерии, позволяющие судить о достаточном уровне собственного достоинства, даже если человек кажется очень скромным: он руководствуется своими собственными стандартами, стараясь в то же время не оскорблять окружающих; он не очень разочаровывается, когда другие с ним не согласны; он не ищет оправданий и не занимается самобичеванием, если терпит неудачу; он обращается с другими людьми уважительно и как с равными, независимо от их социального статуса, он не сомневается в своей способности помочь окружающим и старается это делать...» (6).

Детская и взрослая, спонтанная и прицельно-профессиональная партитуры прочтения художественных образов не могут совпадать полностью, и не исключено, что первое прочтение детской книги разочарует исследователя, но уверяем: обе книги, о которых шла речь в статье, далеко не так просты, как представляются после первого знакомства, а с точки зрения заложенного в них педагогического смысла - во многом уникальны.

Показать детям лучшие модели поведения, более того, научить создавать свои модели, ориентируясь на высший уровень обычного человеческого бытия, - такова содержательная и инструментальная стороны художественной педагогики Фрэнсис Бернетт.

В нашей стране формируется новый, элитарный слой. Произошла естественная смена поколений, слишком многие наши соотечественники-интеллигенты покинули родину, переселились в другие края, появились новые русские. Социологи, демографы, психологи, педагоги оказались перед стихией новых проблем, в числе которых и управление формированием элитарного слоя общества, того самого слоя, который будет задавать тон, поддерживать или менять традиции, выполнять законотворческие, культуротворческие, языкотворческие функции. Как себя вести, если занимаешь определенное положение? Когда этому элитарному поведению нужно учить? Можно ли влиять на процесс самосознания и самооценки интеллигенции? Как сделать пленительными и желанными модели оптимального поведения?

Педагогическая концепция Фрэнсис Бернетт, почерпнутая из анализа наиболее известных ее книг, дает ответ на некоторые из этих вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрэнсис Ходгсон Бернетт. Маленький лорд Фаунтлерой: Роман. - Пер. с англ. и вступ.ст. Н.Демуровой. -М.: Худож. лит., 1991. -208 с.; Франциска Бернет. Маленький лорд Фонтлерой. Повесть/Предисл. Анны Масс. -М.: Литературное обозрение, 1992.-150 с.; Фрэнсис Бернетт. Маленький лорд Фаунтлерой. Маленькая принцесса. Таинственный сад: Повести/Предисл. С.А.Небольсина. -М.: Русская книга, 1992. -464 с.; Фрэнсис Элиза Бернетт. Маленькая принцесса (Приключения Сары Кру): Повесть для детей. -М.: Би Пи Си лтд, 1993. -208 с.

2. Текстовые иллюстрации далее берутся из следующих изданий: 1) Ф. Бернет. Маленький лорд Фаунтлерой: Роман/Пер. с англ. -СПб: «Ариадна», 1992. -269 с. (в этом издании представлен старинный перевод повести, автор которого, к сожалению, остался неизвестным; именно этот перевод представляется нам наиболее удачным); 2) Фрэнсис Бернетт. Маленькая принцесса/Сост. Т.А.Нижник. -СПб.: Лениздат, 1993. -363 с. (автор перевода А.Н.Рождественская).

3. Соловейчик С.Л. Педагогика для всех: Книга для будущих родителей. -М.: Детская литература, 1987. -С. 94.

4. Бибахин В.В. Общение без индивида//Загадка человеческого понимания. -М.: Политиздат, 1991. -С.196-210.

5. Это единственная цитата, взятая нами из другого издания повести другого перевода: Фрэнсис Ходгсон Бернетт. Маленький лорд Фаунтлерой: Роман/Пер. с англ. и вступ.ст. Н.Демуровой. -М.: Худож. лит., 1991. -С. 40.

6. Знание - сила, 1993, № 8. -С. 60.